СИМВОЛЫ. ЦЕННОСТИ. ИДЕАЛЫ

© 2019 Н.С. РОЗОВ

ПРИНЦИП ЗАЩИТЫ ЧЕЛОВЕКА (АНТРОПРОСТАСИЯ) И АКТУАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ КОНФЛИКТЫ

Розов Николай Сергеевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник.
Институт философии и права Сибирского отделения РАН.
Российская Федерация, 630090 Новосибирск,
ул. Николаева, д. 8.
Электронная почта: nrozov@gmail.com

Аннотация. Развернут принцип антропростасии (защиты человека), запрещающий нарушать общезначимые ценности (базовые права и свободы индивида) и предписывающий заботиться об условиях полноценной (свободной, достойной и осмысленной) жизни для каждого. Определено место антропростасии как этической позиции среди наиболее значимых типов этических теорий и подходов. Принцип антропростасии опробован на нескольких актуальных моральных дилеммах. Каждая из таких дилемм имеет в своей основе некий ценностный конфликт, поскольку действия, преследующие одни ценности, наносят какой-то ущерб другим ценностям. В одних случаях было принято и обосновано общее решение, в других случаях проведена граница, в третьем типе случаев была признана правомерность локальных решений, основанных на апробации, опыте, демократических процедурах, наконец, в самых тяжелых случаях, когда любое решение приводит к чьей-то гибели, показано, что общей нормы быть не может, и при любом выборе человек будет нести связанную с ним ответственность.

УДК 17.023.62

Ключевые слова: антропростасия, защита человека, ценностный конфликт, общезначимые ценности, право на смерть, запрет абортов, «права эмбрионов».

Ссылка для цитирования: Розов Н.С. Принцип защиты человека (антропростасия) и актуальные ценностные конфликты // Человек. 2019. Т. 30, № 2. С. 176–190. DOI: 10.31857/S023620070003023-2

Неизбежность столкновения ценностей и подход антропростасии

Ценности постоянно вступают в конфликт между собой в том смысле, что во многих ситуациях решение, действие, выполненное в согласии с одной ценностью, непременно противоречит другой. Вообще говоря, этому не следует удивляться, если не верить в некую предустановленную гармонию:

- «Благими намерениями вымощена дорога в ад»;
- «Все полезное опасно, безопасно только бесполезное»;
- «Любая активность производит издержки, чем больше активность, тем больше эти издержки»;
- «Если все идет хорошо, значит, вы чего-то не заметили».

Все эти и подобные им серьезные и шутливые афоризмы указывают как раз на отсутствие «предустановленной гармонии» и всегдашнюю возможность ценностного конфликта.

В данной работе представлен подход к разрешению таких конфликтов на основе принципа антропростасии (защиты человека).

Ригоризм антропростасии означает, что ради каких-либо, в том числе «высших», ценностей нельзя нарушать минимальные общезначимые ценности, прежде всего кардинальные, включающие неотъемлемые права и свободы каждого индивида.

Концепция общезначимых, в том числе кардинальных и субкардинальных, ценностей развернута в книге «Ценности в проблемном мире» [3, с. 111–136]. Общезначимые ценности — это нормативные понятия, фиксирующие необходимые объективные условия того, чтобы каждый индивид имел внутренние возможности выбирать и внешние возможности осуществлять какие-либо свои интересы, цели, ориентиры и ценности. Общезначимо то, что принято взаимодействующими субъектами (индивидами или сообществами), способствует стабильности их отношений и образа жизни, взаимоприемлемому развитию.

Общезначимые ценности включают кардинальные, как условия прямой защиты человека (жизнь, здоровье, возможность продолжать род, базовые гражданские права), и субкардинальные, как условия соблюдения кардинальных (общественный порядок, защищающий граждан, здоровая среда обитания и высокий уро-

вень медицины, грамотность и открытость доступа к накопленным культурным достижениям, независимый суд, политические права, возможность влиять на решения, законы и т.п.).

Наряду с негативной стороной — ригористическим запретом нарушать общезначимые ценности — принцип антропростасии включает и позитивную: способствовать установлению условий для того, чтобы каждый человек жил полноценной жизнью — свободной, достойной и осмысленной.

Здесь свобода предполагает не только соблюдение основных прав человека и гражданина (на что направлены кардинальные ценности), но также реальные социальные возможности самим людям принимать решения, касающиеся их жизни, а значит, прямо или опосредованно (через представителей) участвовать в установлении правил, прежде всего, правовых норм. Кроме того, свобода имеет внутреннее измерение, включающее способность формировать свои представления о происходящем на основе накопленных знаний, а также сопоставления разных взглядов и идей. Таким образом, образование, доступ к культурным достижениям и возможности знакомства с различными позициями, мнениями по любому вопросу необходимым образом входят в содержание свободы как компонента полноценной жизни.

Человеческое достоинство имеет три основных аспекта:

● Материальное благополучие (достаток, благоденствие, процветание) не имеет общего мерила (каков именно должен быть доход человека для полноценной жизни), зато предполагает критерий: чтобы уровень материального благополучия считался как самим человеком, так и его окружением приемлемым, достойным в сложившейся конкретной исторической ситуации. Также действует простой принцип: за свое материальное благополучие ответственен сам человек, обязанный заботиться о его достойном уровне, прежде всего благодаря развитию своих способностей, обретению квалификации, труду. Императив антропростасии требует обеспечения благополучия извне, от общества (семьи, локальных сообществ, государств) только для детей и молодых людей, которые учатся и готовятся работать, а также для нетрудоспособных по болезни, инвалидности, старости. Предоставление рабочих мест всем трудоспособным может считаться идеалом социально-экономического устройства, однако он не везде и не всегда достижим. Кроме того, принуждение принимать на работу, запрет на увольнение ненужных, несправляющихся работников противоречит свободе организаций. Поэтому речь должна идти не только о пособии для безработных, но главным образом об их (пере)обучении для последующего успешного включения в трудовую деятельность.

● Общественное признание (статус, престиж, репутация, «лицо») является социальной стороной достоинства. Опять же добиваться более высокого признания может только сам человек. Антропростасия

здесь, с одной стороны, устанавливает жесткий запрет на публичное унижение достоинства, даже относительно явных нарушителей порядка, преступников, а с другой стороны, требует справедливого воздаяния — формального и неформального признания заслуг соразмерно их культурной значимости и общественной пользе.

● Самоуважение как чувство причастности к неким ценностям, идеалам, добродетелям, тесно связанным с полноценной жизнью.

Люди живут не только (а иногда и не столько) для достижения материального благополучия, счастья и признания окружением, но также для самых разных символов, святынь, абстракций, какими бы фантастическими они ни казались извне. Живут и умирают за веру, за выполнение священной воли предков, заветов отцов, собственных клятв, за освобождение рабочего класса, за гражданское равенство и демократию; стремятся к спасению бессмертной души, к просветлению, новому лучшему рождению, нирване, состоянию самадхи, остановке колеса сансары, прекращению страданий и т.п.

Антропростасия максимально терпима, толерантна к этому разнообразию идеалов, святынь и ценностей, высших жизненных целей, объединенных в некие духовные стратегии, лишь бы при стремлении к ним не нарушались общезначимые ценности. Хотя построение абсолютных ценностных иерархий представляется сомнительной затеей, все же с позиций антропростасии вовсе не обязательно относиться к разным духовным стратегиям с непременной уравнительностью.

Критерий предпочтения здесь тот же: действительно ли способствует духовная стратегия развитию свободной, достойной, осмысленной жизни участников этой стратегии и окружающих? Если ради достижения каких-либо духовных высот (в религиозной вере, медитации и т.п.) лишают свободы выбора, явно унижают достоинство, то антропростасия как защита человека уже обязана вступиться. Кроме того, сами «высшие ценности», отягощенные практиками унижения и лишения свободы, закономерно ставятся под сомнение и подлежат критике, вплоть до дискредитации.

Антропростасия в ряду этических теорий

Прежде всего, принцип антропростасии представляет собой вариант аксиологической концепции, поскольку базируется на ценностях.

Антропростасия является нормативной концепцией, не натуралистической и не редукционистской (ни из каких естественных законов ценности не выводимы), объективистской (принципы антропростасии не зависят от субъективных предпочтений), неинтенциональной (поступки оцениваются не по намерениям, а по последствиям).

Сложнее определить положение антропростасии относительно плюралистических (ориентация на разные и множественные ценности) и монистических (ориентация на единственную ценность) концепций этики. Широкая толерантность к разнообразию «высших ценностей» означает плюрализм. Вместе с тем идея «защиты человека» с обязательностью заботы об условиях безопасности, обеспечения свободы и достоинства, условий для достижения осмысленной жизни вполне может быть понята как некий единый комплексный императив, собственно, и названный антропростасией. В этом плане представленная концепция может считаться условно монистической.

Таким же образом, антропростасия одновременно относится к десизионизму (решения на основе моральных суждений) и конвенциализму (когда в основе лежат договоренности). Действительно, нельзя насильно навязывать ценности, даже такие как уважение к чужой жизни, свободе, достоинству других людей. Можно только предлагать принять решение о таком уважении, войти в широкий круг тех, кто эти ценности принимает. Здесь уже есть значимый момент конвенции. Тем более, вопросы о том, как определять уровни материального благосостояния, общественного признания, качества духовных стратегий, требующие защиты, всегда будут предметами дискуссий и договоренностей.

Антропростасия, разумеется, не является религиозной этикой, хотя утверждает право каждого верить в любых богов или не верить ни в каких. Антропростасия в своей основе гуманистична, более того, претендует на роль ценностного ядра современного гуманизма.

В измерении с полюсами легализма (принятии абсолютных моральных законов) и антиномизма (полного отрицания каких-либо предзаданных моральных норм) антропростасия ближе к ситуационной этике. Последняя здесь понимается в широком смысле как сочетание неких базовых принципов и применение их с учетом конкретных обстоятельств.

Понятия общезначимых (кардинальных и субкардинальных) ценностей, представление о компонентах полноценной жизни составляют концептуальное содержание антропростасии и призваны служить орудиями анализа при разрешении наиболее сложных моральных проблем, которые обычно имеют в своей основе ценностные конфликты.

Рассмотрим с этих позиций некоторые этические коллизии, обсуждаемые в философии гуманизма и биоэтике.

Смертная казнь и тюремное заключение: оправданы ли наказания?

Допустима ли смертная казнь как наказание за особо тяжкие преступления (серийные убийства, изнасилования малолетних и/или сопряженные с убийством жертвы и т.п.)? Запрет на

смертную казнь основан на признании права на жизнь каждого человека, фактах судебных ошибок, необходимости предотвращения риска казнить невиновного. На другую сторону весов явно или неявно положены: симметричный принцип талиона «око за око» (хоть не узаконенный, но бытующий в общественном сознании, а также отраженный в юридическом принципе соразмерности наказания преступлению), величина общественного возмущения и жажда возмездия.

Казнь преступника как легитимированное государственное убийство нарушает первейшую общезначимую и кардинальную ценность: право каждого человека на жизнь. Вообще говоря, оправданием убийств под эгидой государства может быть только сбережение других жизней («уничтожение» вооруженных бандитов, террористов, убивавших и грозящих новыми убийствами) или же защита условий, необходимых для жизни других людей («уничтожение живой силы» вооруженного агрессора). Схваченный и изолированный от общества преступник не представляет такой угрозы. Устрашение других возможных преступников является крайне зыбким основанием: потенциальных убийц и насильников не останавливает страх смертной казни. Тяжких преступлений не становится меньше там, где казнь узаконена. Вместо того чтобы воздерживаться от злодеяний, преступники с большей жестокостью уничтожают свидетелей.

Таким образом, даже для самых тяжких преступлений пожизненное заключение заменяет смертную казнь, к чему, собственно, и пришли во многих странах мира, в государствах Европейского союза и в России (хотя здесь призывы «вернуть смертную казнь» регулярно звучат).

Тюремное заключение нарушает другую кардинальную ценность — человеческую свободу. Нам привычно думать, что такое нарушение более допустимо, чем лишение жизни, но эта общая интуиция все же нуждается в обосновании. Простейшее заключается в лишении преступника возможности совершать другие преступления. Но если заключение не пожизненное, то такое обоснование оправдано лишь когда приложены все усилия к замене криминальных установок и способностей на нормальные — чтобы выпущенный на свободу преступник стал честно зарабатывать. Если этого не происходит (или хуже того, молодой правонарушитель в криминальной среде обретает установки и способности к следующим более тяжким преступлениям), то тюрьма оказывается не более чем местью, а то и инкубатором рецидивистов, «площадкой передачи опыта».

Тюремное заключение (лишение свободы), вероятно, надолго останется главным типом правовых санкций за уголовные преступления, поскольку известные альтернативы (избиение, клеймление, вырывание ноздрей, отрезание уха, отрубание руки и проч.) закономерно отвергнуты в большинстве современных обществ как унижающие достоинство или неприемлемо жестокие. Но от-

няв у осужденного свободу, государство отнимает на срок заключения и ответственность за его личное развитие и дальнейшую судьбу. Ориентиром в воспитательной работе здесь, как ни странно, выступает все тот же принцип антропростасии: обеспечение внешних и внутренних условий для того, чтобы жизнь человека после тюрьмы стала свободной, достойной и осмысленной.

Право на самоубийство

Возможно ли для относительно здорового человека, решившегося на суицид, доказать, что все его жизненные шансы исчерпаны? Что он никогда не передумает? Никогда не испытает какую-либо радость, не пожелает послушать музыку, посмотреть фильм, почитать книгу? Насладиться свежим утром, красочным закатом, ясным звездным небом? Никогда не решит как-то свою жизнь изменить, чем-то новым заняться? Никогда не захочет с кем-то побеседовать и получить от беседы удовольствие?

Редко, когда в философии что-то можно утверждать наверняка, но здесь тот самый случай: доказать отсутствие указанных возможностей для любого относительно здорового человека в принципе невозможно. Отсюда следует, что при отказе от обоих сталкивающихся формальных абсолютов «жизни как безусловного блага» и «непререкаемости личной свободы» мы получаем вполне надежный вывод: поскольку нельзя доказать, что жизнь относительно здорового потенциального самоубийцы в будущем будет лишена какой-либо витальной ценности, то эвтаназия, равно как и самоубийство, морально запрещены, недопустимы. Это значит, что наша интуиция правомерна: необходимо по мере возможностей предупреждать суицид, спасать при попытке суицида, даже против воли человека.

Данное рассуждение привело меня к пересмотру прежней трактовки разного отношения к самоубийству в раннем и глубоко старческом возрасте. Вспомним недавний случай. 10 мая 2018 года ученый из Австралии Дэвид Гудолл в возрасте 104 лет ушел из жизни с помощью процедуры эвтаназии в швейцарской клинике, тем самым исполнив свое заветное желание, причем на дорогую процедуру собрал деньги краудфандингом. Мое отношение первоначально было примерно таким: «ну ладно, уж в таком почтенном возрасте чего ждать еще; человек пожил, все испытал, имеет заветное желание, имеет право его исполнить, тем более, что родственники не против, поддерживают его». При этом, конечно же, я всегда был за то, чтобы взрослых и полных сил, тем более молодых людей спасать при попытках самоубийства, запрещать им эвтаназию, невзирая на их свободу.

Теперь философский довод убеждает меня в допущенной ошибке: в обоих случаях эвтаназия недопустима. Юридическая законность процедуры, шикарность и дороговизна клиники, бет-

ховенская симфония, присутствие родственников — не спасают ситуацию: мог бы Дэвид Гудолл еще жить, мог передумать, мог найти какое-либо увлекательное занятие, мог хоть раз чему-то порадоваться. Значит должен был жить. Принцип антропростасии показывает свою продуктивность, хоть и с неочевидной, постоянно запаздывающей способностью влиять на бытие, что, впрочем, не редкость в философии.

Следует откровенно признать, сделанный вывод является уступкой патернализму и нарушением принципа индивидуальной свободы. Оправдание такой уступки состоит не только в подчеркивании ее исключительности: «Мы, окружающие тебя люди, не покушаемся на твою свободу относительно твоей жизни и твоего тела, но запрещаем только одно — убивать себя».

Более глубокое обоснование патерналистского нарушения принципа свободы заключается в апелляции к той же свободе. «Мы запрещаем каждому убивать себя именно потому, что защищаем жизнь как витальную ценность — все открывающиеся человеку возможности, которые составляют пространство его свободы; при самоубийстве, как и при убийстве, это пространство возможностей вместе со свободой, полученной человеком благодаря жизни, исчезает, что недопустимо».

Есть ли у зародыша отдельная жизнь и права?

Известная проблема с разрешением/запретом абортов имеет в своей основе конфликт между свободой, правом женщины распоряжаться своим телом (за что ратуют «прочойсеры», например, [6]) и жизнью зародыша (которую защищают «пролайферы», такие как [5]). Защищать свободу женщины с нежелательной беременностью или жизнь ее потенциального ребенка? Как правило, стратегия противников абортов состоит в приравнивании эмбриона, зародыша к человеку.

«Будущее обычного зародыша включает в себя целый ряд опытов, проектов, видов деятельности и таких, которые идентичны будущему взрослых людей и маленьких детей. Поэтому довод, достаточный для объяснения неправомерности убийства людей после их рождения, является также доводом, равным образом относящимся и к зародышам. Из этого следует, что аборты являются *prima facie* морально неприемлемыми» [4].

Теолог М. Бек приводит так называемые аргументы SKIP (по первым буквам их немецких обозначений): «1) аргумент от вида (Speziesargument) — эмбрион, созданный из человеческих сперматозоида и яйцеклетки, является человеком и как таковой обладает человеческим достоинством; 2) аргумент от непрерывности (Kontinuitaetsargument) — от момента зачатия до взрослого человека мы имеем дело с непрерывным процессом развития, непрерывность которого не позволяет проводить морально

релевантного разграничения эмбриона на разных стадиях развития и уже рожденного ребенка; 3) аргумент от идентичности (Identitaetsargument) — нет разницы между эмбрионом и взрослым, который из него вырастет, поскольку этот взрослый сможет когда-то сказать про себя: “я был зачат, я был эмбрионом”; 4) аргумент от потенциальности (Potentialitaetsargument) — эмбрион обладает человеческим достоинством, поскольку несет в себе потенциал стать взрослым человеком, а тот обладает человеческим достоинством» [цит. по: 2, с. 104].

Ситуация меняется при переходе на язык прав. Женщина имеет право решения заводить или не заводить ребенка. А вот право на жизнь обретает только родившийся. Следует отметить, что убийство новорожденного матерью (весьма нередкое явление, особенно при бедности и угрозе остракизма, изгнания, лишения работы и проч.) теперь почти повсеместно карается именно как убийство, что как раз указывает на нарушение права на жизнь уже живущего человека. Здесь споров не возникает. Таких матерей-убийц практически никто не оправдывает в моральном и правовом аспектах, разве что сочувствуют и «входят в положение». К женщинам, делающим аборт, совсем иное отношение даже у «пролайферов», несмотря на их драматическую риторику.

Корректно ли вообще говорить о «правах» зародыша? Когда они наступают? При появлении мозга? При формировании человеческого тела? При оплодотворении яйцеклетки? А почему не раньше? Абсурдность самих этих вопросов показывает, что пока человек не родился, говорить о его «правах» не имеет смысла.

Более того, отдельная жизнь младенца, строго говоря, начинается только после рождения, когда обрезают пуповину, он сам начинает дышать и получает возможность самостоятельно питаться, переваривать пищу, поступившую через рот. До этого есть не младенец, а плод как часть материнского организма.

Разумеется, в последние месяцы беременности плод обретает все больше и больше сходства с младенцем, поэтому на этих стадиях аборт не только медицински опасен, противопоказан, но чисто интуитивно считается неприемлемым, слишком похожим на убийство. Однако и здесь речь должна идти не о лишении жизни (отдельной жизни еще нет), но о том, что была уничтожена возможность появления новой человеческой жизни. Неприятность (ужасность) последних слов может и должна быть переосмыслена, если сопоставить число половых актов в семейном сексе с разными способами предохранения (от 3–5 до 20–30 раз каждую неделю) и число детей в семье (1–3 и гораздо реже больше). Но ведь каждый акт с предохранением (при календарной готовности женщины зачать) также является уничтожением возможности появления новой человеческой жизни, просто мы об этом предпочитаем не задумываться.

Если отпадает вопрос о «лишении жизни» плода, то во всей полноте остаются вопросы антропростасии как защиты матери: ее свободы, достоинства и осмысленной жизни. Запрет на аборт нарушает не только ее свободу, но и достоинство, незаконно вторгается в ее жизненные стратегии, личные цели и ценности.

«Лишние эмбрионы»: их тоже защищать от родителей?

Ситуация становится отчасти сложнее, но отчасти и проясняется при анализе современных практик искусственного оплодотворения, замораживания спермы, яйцеклеток и уже оплодотворенных гамет, готовых развиваться эмбрионов. Последних хранят, во-первых, для подстраховки, во-вторых, бесплодные семьи при успешном первом опыте могут пожелать тем же способом завести второго ребенка [2]. Оказывается, способы обращения доноров со своими эмбрионами весьма различны. Кроме хранения «на всякий случай» их либо разрешают, даже просят отдавать другим бесплодным парам (поскольку сами натерпелись в ожидании), либо наоборот, требуют уничтожать, чтобы не допустить попадания «своего ребенка» к чужим родителям.

Заметим, только самые редкие «пролайферы» требуют вообще запретить помощь бесплодным парам заводить детей медицинскими средствами. Но данная технология предполагает изначальное получение нескольких эмбрионов, отношение к которым сугубо инструментальное с обеих позиций.

«Видеть в эмбрионе не ребенка, а “только” потенциал развития в него — это способ самозащиты и снижения стресса. В свою очередь, такие общественные силы, как церковь, политики и феминистки, относятся к эмбрионам утилитарно в соответствии со своим мировоззрением. Здесь преобладают крайности: эмбрионы — это либо граждане, от имени которых можно выступать, либо этап на пути к достижению цели, коей для женщины/пары является родительство» [там же, с. 103].

Действительно, если каждый эмбрион в определенных условиях может вырасти в человека, то чем они принципиально отличаются от зародышей в матке женщины? Однако в реальной практике, по умолчанию, все права по действиям с эмбрионами принадлежат заказчикам процедуры — донорам-родителям. С учетом этого, придумывание каких-то мифических «прав» у зародыша в теле желающей сделать аборт матери представляется не более, чем демагогическим приемом: либо уж пытайтесь вообще запретить помощь бесплодным завести детей, либо смиритесь с тем, что в качестве промежуточного звена технологии появляется множество эмбрионов, «права» которых никто не защищает и никогда не будет защищать.

Вывод отсюда однозначный: никаких «прав на жизнь» у зародыша нет, тогда как у женщины есть права распоряжаться своим телом и своей жизнью, значит, аборты должны быть разрешены.

Сказанное не означает, разумеется, морального оправдания абортов, игнорирования груды их негативных следствий как для здоровья потенциальной матери (риски утраты фертильности и проч.), так и для ее психики, личности, для отношений, будущей личной жизни и проч.

Признание несомненных отрицательных сторон абортов не является основанием для их запрета (как считается в фундаменталистской церковной политике); оно должно служить стимулом для максимально эффективной профилактики нежелательных беременностей, что достигается, прежде всего, просвещением и пропагандой средств предохранения.

«Подключиться к скрипачу»

Защитница права на аборт Джудит Томпсон приводит остроумный мысленный эксперимент. «Вы просыпаетесь утром и обнаруживаете себя в постели со скрипачом, лежащим без сознания. Это знаменитый скрипач. У него было смертельное заболевание почек, и Общество любителей музыки собрало все доступные медицинские записи и обнаружило, что только у Вас есть подходящий тип крови, чтобы ему помочь. Поэтому они похитили Вас, и вчера вечером система кровообращения скрипача была подключена к Вашей, так что Ваши почки можно использовать для извлечения ядов из его крови, а также Ваших собственных. Главный врач больницы говорит Вам: “Послушайте, мы сожалеем, что Общество любителей музыки сделало это с Вами — мы бы никогда не допустили такого, если бы знали. Но все же они сделали это, и скрипач сейчас подключен к Вам. Если отключитесь, то непременно убьете его. Но неважно, это всего лишь девять месяцев. К тому времени он оправится от недуга и может быть безопасно отключен от Вас”» [6].

Дж. Томпсон спрашивает читателя: допустимо ли с моральной точки зрения участвовать в этой ситуации? Да, великодушие и жертвенность были бы похвальны. Но согласился бы читатель оставаться присоединенным к скрипачу, находящемуся в коме? А что, если не девять месяцев, а девять лет? Потом следует следующий, вполне узнаваемый по риторике и интонациям монолог главного врача этой больницы:

«Тяжелый случай, я согласен. Но теперь Вам придется остаться в постели с подключенным скрипачом на всю оставшуюся жизнь, поскольку помните: все люди имеют право на жизнь, а скрипачи — это люди. Да, Вы имеете право решать, что происходит в Вашем

теле, но право человека на жизнь перевешивает Ваше право решать, что происходит в Вашем теле и Вашем организме. Поэтому Вы никогда не сможете отключиться от него» [там же].

Заметим, что похищенный человек не умирает, не заболевает, нарушено «всего лишь» его право и свобода самому распоряжаться своим телом. Зато жизнь гениального музыканта спасена. С позиций «жизни как высшей ценности» и принципа «благоговения перед жизнью» вообще все нормально. «Ну пострадал человек-донор, что его не спросили, но не помер же! А жизнь другого человека спас, да еще какую важную!»

Наша интуиция протестует — так делать недопустимо. И основания интуиции просты: нарушена свободная воля. Оправдания для этого нет. Интуитивный вердикт подтверждается простой модификацией того же случая: потенциальному человеку-донору предложили согласиться на подключение ради спасения жизни или этого музыканта, или кого-то другого, и потенциальный донор согласился. Кто же будет против? Этот поступок мы сочтем правомерным, благородным, высоконравственным.

Мораль этой истории, пусть придуманной и фантастической, проста, но принципиальна: следует отказаться от признания «высшей, абсолютной ценности человеческой жизни», ради сохранения которой будто бы «все дозволено». Есть действия, непозволительные даже ради такой благородной цели, — те, что нарушают минимальные общезначимые ценности, в том числе личную свободу и право решать, что делать со своим телом. Антропростасия, как защита человека, защищает не только жизнь, но также свободу и достоинство, неотъемлемые права.

Когда чья-то смерть неизбежна: принцип наименьшего зла и абсолютный запрет

Самыми тяжелыми случаями являются такие, где сталкиваются противоположные решения конфликта, оба из которых основаны на одной и той же общезначимой ценности жизни с соответствующей нормой «не убий». Эта тема многократно обсуждалась в моральной философии на материале известных мыслительных экспериментов с вагонетками.

Допустимо ли повернуть стрелку несущейся по рельсам смертоносной вагонетки, чтобы уберечь много людей (детей, талантов, родственников, друзей) и направить ее на тот путь, где она непременно убьет мало людей (стариков, бесталанных, чужих, врагов)? Допустим, данная задача решается по принципу «наименьшего зла». Между прочим, печальные аналоги этой выдуманной ситуации есть в реальности. Когда нужно спасать людей от стихийных бедствий (пожаров, наводнений, лавин, заносов

и проч.), а ресурсы ограничены, то силы направляются туда, где больше людей и больше вероятность, что они живы. Да, каждое такое решение обрекает кого-то на смерть, но тяжелое решение принять необходимо, чтобы с наибольшей вероятностью спасти наибольшее число жизней. Здесь работает количественный принцип, хотя никто не любит в этом признаваться.

Вернемся к вагонеткам. Можно ли и нужно ли столкнуть одного толстяка под вагонетку, чтобы уберечь от нее опять же многих других людей?

Наиболее популярным решением является отказ от любой активности: «что-то происходит без меня, я не включаюсь в ложный моральный выбор, вся вина за смерти лежит на тех, кто такую ситуацию устроил» (с намеком, кстати, на изобретателей самого мысленного эксперимента). В качестве снятия с себя моральной ответственности такое решение эффективно, но философский вопрос остается без ответа.

Резонным выглядит отказ от варианта «столкнуть», фактически означающего преднамеренное активное действие — настоящее убийство, пусть и во имя благой цели (спасти несколько других жизней). Никто не вправе осудить ни с моральных, ни с юридических позиций человека, который в такой ситуации отказывается от активности, бездействует.

Ситуация вовсе ухудшается, когда в роли потенциальных жертв указываются самые близкие и дорогие люди, особенно дети и внуки. Ведь обычно говорят, что ради них «готовы на все!» Многие будут спасать близких единственным предоставленным жестоким способом. Кто их осудит за это? Но и в этом крайнем случае будет ли морально оправдано убийство ни в чем не повинного человека?

Следует признать, что принцип антропростасии, хоть уже и показал себя продуктивным, но в таких ситуациях буксует. Любое решение повлечет зло. Никакое решение полностью не оправдано. Да, здесь может быть использован принцип выбора «наименьшего зла», но какая из альтернатив представляет собой «наименьшее зло» — отказаться от спасения близких или отказаться от убийства — дело индивидуального выбора. Здесь не поможет никакая ситуационная этика. Вернее, с ее помощью человек может выбрать приоритет, принять решение, однако при этом никак не устраняется сопутствующее любому выбору зло.

Вместе с тем невозможность вынести общий морально безупречный вердикт не означает бесполезности антропростасии даже в этом случае. Признание неизбежности совершения зла действием или бездействием означает непременное наложение тяжкой ответственности на любого, принявшего то или иное решение. Эта ответственность означает не только открытое признание своей вины, покаяние, но и обязанность посильно компенсировать потерю оставшимся родственникам погибших, в том числе в матери-

альном плане. Если же в результате принятого решения некто отказался столкнуть под вагонетку и тем самым убить толстяка, но при этом погибли близкие самого субъекта выбора, то к ответственности и усилиям по компенсации прибавляются пожизненные моральные страдания за то, что не уберег близких, поскольку отказался нарушить важнейшую и древнейшую заповедь «не убий».

Заключение

Как и предполагалось, применение принципа антропростасии не дает простых общих решений в каждом случае, но и не дает соскальзывать к полному аномизму с пустыми рекомендациями «действовать согласно совести и ситуации».

В некоторых случаях было принято и обосновано общее решение (разрешение абортов), в других случаях проведена граница, в третьем типе случаев была признана правомерность локальных решений, основанных на апробации, опыте, демократических процедурах, наконец, в самых тяжелых случаях, когда любое решение приводит к чьей-то гибели, показано, что общей нормы быть не может, и при любом выборе человек будет нести связанную с ним ответственность.

В анализе всех типов случаев подход заключался в сопоставлении обстоятельств с компонентами концептуального содержания принципа антропростасии: как то или иное решение соотносится с защитой общезначимых ценностей, с императивом заботы об условиях сохранения витальных ценностей, свободы, достоинства и достижения осмысленной жизни.

Антропростасия не является универсальной волшебной палочкой, с помощью которой можно решить все острые и болезненные моральные проблемы и ценностные конфликты. Но она дает угол зрения и базовые концептуальные орудия для поиска наиболее конструктивных, безопасных и гуманных решений.

Литература

1. *Апресян Р.Г.* Этика. М.: Кнорус, 2017.

2. *Кожевникова М.* Моя «криошка»: проблема «лишних» эмбрионов в ВРТ // Человек перед выбором в современном мире: проблемы, возможности, решения. Материалы Всероссийской научной конференции 27–28 октября 2015 года, ИФ РАН (Москва) / отв. ред. М.С. Киселева. М.: Научная мысль, 2015. Т. 3. С. 100–107.

3. *Розов Н.С.* Ценности в проблемном мире: Философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск: НГУ, 1998.

4. *Marquis D.* Why Abortion is Immoral // The Journal of Philosophy, 1989. Vol. 86, N 4. P. 183–202.

5. *Nowotny H., Testa G.* Naked Genes Reinventing the Human in the Molecular Age. MIT press, 2010.

6. *Thomson J.J.* A Defense of Abortion // Philosophy and Public Affairs. 1971. Vol. 1, N 1. P. 47–66. URL: http://spot.colorado.edu/~heathwoo/Phil160, Fall02/thomson.htm

Human protection principle (anthroprostasia) and current value conflicts

Nikolai S. Rozov

DSc in Philosophy, Professor, Chief Research Fellow.
Institute for Philosophy and Law, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences.

8 Nikolayeva Str., Novosibirsk 630090, Russian Federation.
E-mail: nrozov@gmail.com

Abstract. The principle of anthroprostasy (human protection) is developed. It prohibits violation of universally accepted values (basic rights and freedoms of the individual) and prescribes to take care of the conditions for a full life (free, decent and meaningful) for everyone. Anthroprostasy has a special place among the most significant types of ethical theories and approaches. The principle of anthroprostasy has been tested on several actual moral dilemmas: permission/prohibition of voluntary active euthanasia, permission/prohibition of abortion, permission/prohibition of soft drugs sale. Each of these dilemmas is based on a value conflict since actions that pursue some values are detrimental to some others. In some cases, a general decision was made and substantiated; in other cases a boundary was drawn, in the third type of cases local decisions based on approbation, experience, democratic procedures were found acceptable, finally, for the most difficult cases (when any decision leads to someone's death), it is shown that there can be no general rule, and any choice shall entail the full-fledged responsibility for its agent.

Keywords: anthroprostasia, human protection, value conflict, generally significant values, euthanasia, the right to die, prohibition of abortion, artificial pregnancy, 'rights of embryos'.

For citation: Rozov N.S. Human protection principle (anthroprostasia) and current value conflicts // Chelovek. 2019. Vol. 30, N 2. P. 176–190.
DOI: 10.31857/S023620070003023-2

References

1. Apressyan R.G. *Etika* [Ethics]. Moscow: Knorus Publ., 2017.

2. Kozhevnikova M. Moya "krioshka": problema "lishnix" embrionov v VRT [My 'kryshka': the problem of "spare" embryos in VRT]. *Chelovek pered vyborom v sovremennom mire: problemy, vozmozhnosti, resheniya. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii 27–28 oktyabrya 2015 goda, IF RAN (Moskva)* [Human choice in the modern world: challenges, opportunities, solutions. Proceedings of the scientific conference on October 27–28, 2015, IPH RAS (Moscow)], ed. by M.S. Kiseleva: Moscow: Nauchnaya mysl' Publ., 2015. Vol. 3. P. 100–107.

3. Rozov N.S. *Cennosti v problemnom mire: Filosofskie osnovaniya i social'nye prilozheniya konstruktivnoi aksiologii* [Values in a troubled world. Philosophical foundations and social applications of constructive axiology]. Novosibirsk: NGU Publ., 1998.

4. Marquis D. Why Abortion is Immoral. *The Journal of Philosophy.* 1989. Vol. 86, N 4. P. 183–202.

5. Nowotny H., Testa G. *Naked Genes Reinventing the Human in the Molecular Age.* MIT press, 2010.

6. Thomson J.J. A Defense of Abortion. *Philosophy and Public Affairs*. 1971. Vol. 1, N 1. P. 47–66. URL: http://spot.colorado.edu/~heathwoo/Phil160, Fall02/thomson.htm